

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ *В. И. МОЛЧАНОВА*

«ФЕНОМЕН ПРОСТРАНСТВА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

Москва: Академический проект, 2015. ISBN: 978-5-8291-1752-8

АНДРЕЙ ПАТКУЛЬ

Кандидат философских наук, старший преподаватель.
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.
199034 Санкт-Петербург, Россия

E-mail: andreipatkul@gmail.com

В рецензии выделяются и анализируются наиболее значимые, с точки зрения ее составителя, итоги исследований, представленные в рецензируемой монографии. К ним относятся следующие: интерпретация кантовской теоретической философии на основе т.н. «производственной модели», а также предложенное в книге переосмысление философии Фр. Brentano, феноменальный приоритет различий над тождествами и соответствующий ему методологический приоритет анализа над интерпретацией в феноменологии, тезис первичности опыта пространства перед опытом времени и объяснение генезиса представления о времени как фикции из первичного опыта пространства, основоположения теории телесных суждений как протосуждений и, наконец, показ пространства как ключевого условия историчности. Рецензент приходит к выводу, что в данной книге предлагается самобытный вариант феноменологической философии, который может и должен быть уточнен и развит в дальнейшем. Такой ее вариант мог бы получить название аналитической феноменологии.

Ключевые слова: Опыт, различие, пространство, феноменология, суждение, историчность, В. И. Молчанов.

VICTOR MOLCHANOV

“THE PHENOMENON OF SPACE AND THE ORIGIN OF TIME”

Moscow: Academic Project, 2015. ISBN: 978-5-8291-1752-8

ANDREI PATKUL

PhD in Philosophy, Assistant Professor.
St Petersburg State University, Institute of Philosophy.
199034 St Petersburg, Russia.

E-mail: andreipatkul@gmail.com

In this review, I emphasize and analyze the main outcomes of the philosophical investigation presented in Victor Molchanov's book. I state that Molchanov's interpretation of Kant's theoretical philosophy, which is based on the so-called "model of production" as well as his reconstruction of F. Brentano's thought, could be very fruitful for the contemporary understanding of the essence and the limits of phenomenological research. I think that the phenomenal primacy of differences over identities and the methodological primacy of analysis over interpretation in phenomenology defended in this text are authentic theses that could renew the phenomenological way of thinking. The thesis of the primacy of space-experience over time-consciousness and the genesis of such consciousness as a kind of fiction from the space-experience is contentious, but could also be productive for the understanding of phenomena and the phenomenal world. The conceptions of the primordial body-judgments and space as condition of historicity are of great interest and well-reasoned applications of the main theoretical thesis of the primacy of space-experience over time-consciousness. Finally, I conclude that the author of the book formulates an original version of phenomenological philosophy. We could characterize this type of phenomenology as an "analytical phenomenology." I am sure this version should be detailed and developed in the future investigations by the book's author and his followers.

Key words: Experience, difference, space, phenomenology, judgment, historicity, Victor Molchanov.

Книга Виктора Игоревича Молчанова, озаглавленная «Феномен пространства и происхождение времени», интересна, с одной стороны, тем, что здесь многим его идеям, возможно, уже известным из более ранних публикаций ее автора, придана новая огранка и новая оправа, благодаря которым читатель, следящий за творчеством этого видного представителя отечественной феноменологии, сможет обнаружить существенную взаимосвязь тем и сюжетов, занимавших мысль Виктора Игоревича последние годы, а, быть может даже, и десятилетия. Именно знакомство с данной монографией позволяет недвусмысленно понять, что проблемы неагрессивного сознания, различия анализа и интерпретации как методологических установок в философии, приоритета пространства над временем и др. — это не изолированные друг от друга предметы осмысления, всецело случайным образом попавшие в поле умственного

внимания этого философа, но имеющие строгую взаимосвязь части единого целого, элементы концепции, которую тот заявляет, раскрывает и обосновывает в своем труде. С другой стороны, сказанное не означает, что содержание книги сводится всецело к воспроизведению и усовершенствованному изложению ранее уже заявленных тезисов, а также обнаружению между ними конкретной, но ранее еще не обнаруженной взаимосвязи: данный текст содержит значительное множество оригинальных феноменологических дескрипций, изложенных неповторимым стилем, характерным для работ Виктора Игоревича. Дескрипции эти не только дают новую жизнь уже известным его тезисам, но имеют и самостоятельную философскую ценность — в том числе и потому, что предполагают также и некоторые оригинальные, новаторские теоретические положения.

Структурно монография состоит из введения, трех частей (из них первая посвящена методологическим проблемам и содержит две главы, вторая — и, на наш взгляд, центральная — повествует о генезисе времени из пространства, она включает в себя пять глав, а третья, — феноменологическому раскрытию таких выделенных феноменов, как, например, тело, суждение и история в виду тезиса о феноменологическом приоритете пространства над временем), заключения, точнее фрагмента, который используется в книге, по словам автора, «вместо заключения», списка сокращений, списка литературы и указателя имен. Книга аккуратно и скромно оформлена, удачно издана, работать с ней очень комфортно — в том числе и из-за пространственной эргономичности самого ее формата.

В короткой рецензии нет возможности дать подробный анализ и оценку абсолютно всем важным мыслям, высказанным на страницах этой работы. Поэтому здесь уместнее будет выделить наиболее интересные и важные моменты ее содержания, которые, на наш, очевидно, пристрастный, взгляд, составляют основные результаты проделанного Молчановым исследовательского и мыслительного труда, достойные дальнейшего осмысления, развития, конструктивной критики и т.д. Иными словами, в настоящей рецензии хотелось бы поставить акцент на те смысловые моменты монографии, на которые, по нашему мнению, при знакомстве с ней читателю стоило бы обратить особое внимание, чтобы, исходя из их осмысления, он мог бы скорее и эффективнее составить общее представление об излагаемой в книге концепции в целом.

Итак, *во-первых*, значительным достоинством исследования Виктора Игоревича является проделанная им филигранная историографическая работа с самым разнообразным историко-философским материалом. Точнее, работа, которая только в первом приближении может показаться сугубо историографической. На самом же деле, у автора книги очень удачно получается избегать того недостатка, который характерен для подавляющего большинства философских публикаций — и не только в России, но и за рубежом. А именно, ему удается уклониться от растворения собственно философского исследования, то есть исследования проблем, самих вещей, в сколь угодно изощренном анализе историографического материала, к которому, что называется, задним числом добавляются выводы, скорее скрывающие, чем проясняющие мысль самого исследователя. В книге же Виктора Игоревича обращение к наследию Канта, Brentano, Бергсона, Гуссерля, Хайдеггера, Мерло-Понти и некоторых других признанных классиков философской мысли строго подчинено феноменологическому девизу «Назад к самим вещам!». Особое внимание обращает на себя его работа с текстами французского философа, психолога и поэта Ж.-М. Гюйо (1854-1888) (Molchanov, 2015, 146-174), которая, с одной стороны, очень много дает для хода мысли у самого автора книги, а с другой стороны, предлагает замечательный повод к дальнейшему, более подробному и вдумчивому освоению идей Гюйо в русскоязычном интеллектуальном пространстве, — идей, которым здесь до сих пор не уделялось заслуженного внимания. Для Молчанова такое обращение — это, скорее, возможность через диалог с уже состоявшимися философскими авторитетами найти содержательные аргументы, а в известных случаях — контраргументы, которые можно было бы использовать, аффирмативно или негативно, для обоснования собственной его позиции, изложение которой приобретает особую рельефность, будучи осуществляемым на вполне определенном историографическом фоне.

В этой связи хочется особенно отметить, прежде всего, предлагаемую Виктором Игоревичем «еще одну интерпретацию» теоретической философии Канта, согласно которой философия эта «не предстает ни как теория познания, ни как фундаментальная онтология, но как теория чистой деятельности» (Molchanov, 2015, 35). Впрочем, в похожем ключе кантовская теоретическая философия была истолкована уже у классиков послекантовского немецкого идеализма, по пути, намеченном которыми, до сих пор во многом и движется наше понимание кантовского

метафизического начинания. Поэтому надо отметить, что у Молчанова такая активистская трактовка теоретической философии Канта приобретает более конкретный смысл; а именно она трактуется им как построенная по *производственной модели*:

Система понятий трансцендентальной эстетики и трансцендентальной аналитики представляет собой модель производства, где ощущение играют роль перерабатываемого сырья, пространство и время как априорные формы чувственности — роль обрабатывающих машин и механизмов, а категории как чистые синтезы принимают на себя роль различных проектов, которые должны найти свое эмпирическое применение. (Molchanov, 2015, 35)

В силу этого, по мнению автора книги, и путь от Канта к Марксу с его трактовкой природы как «всеобщего предмета труда» оказывается не столь уж извилистым, как это могло бы показаться на первый взгляд. В этой связи также хотелось бы отметить весьма оригинальную и непривычную, требующую дальнейшего осмысления трактовку Молчановым кантовского трансцендентализма как «*натурализма наизнанку*», который представляет собой, да не прозвучит это как плеоназм, *натурализацию самой природы* (Molchanov, 2015, 33-34). Эта натурализация состоит, как отмечается в книге, в том, что у Канта «...характеристики рассудка (и чувственности) заимствуются из интерпретированной особым образом природы, а затем предстают как силы, которые предписывают законы природе» (Molchanov, 2015, 33). Думается, что такая трактовка не лишена оснований и она сможет поспособствовать дальнейшему проникновению в сущность натурализма, равно как и обнаружению основания неизбежности натурализации в философском мышлении.

Таким образом, в рецензируемой книге значительно более важным является связь «производственной модели» теоретической философии с теми границами, с которыми сталкивается сознание, имеющее стихийную тенденцию к натурализации и которое может быть опознано как агрессивное. А это в свою очередь приводит к критике исходных кантовских установок, позволяет выявить парадоксы и апории кантовской философии, а главное — разрешить их. Прежде всего, для автора книги такая критика важна для обнаружения того вклада, который Кант внес в формирование представлений о сущности пространства и времени, представлений, которые, господствуя и по сей день, как правило искажают подлинный опыт как того, так и другого, впрочем, равно как и опыт их конкретной

взаимосвязи. Поэтому *критика производственного понимания познания может быть надежным путем к полноценной критике агрессивного сознания*. При этом такая критика не может быть простым опровержением кантовской модели: Молчанов специально подчеркивает, что не собирается принижать достижений Канта, ибо тот «определил структуры современного мира с его деформированными и деформирующими структурами организации и быстроты, производства и интерпретации» (Molchanov, 2015, 37). Но ход как феноменологической философии вообще, так и того ее варианта, который предлагает Виктор Игоревич, является альтернативным кантовскому ходу — и в фиксации этого момента имеется важная заслуга автора «Феномена пространства», поскольку достаточно часто феноменология искаженно трактуется как специфическая версия развития кантовского начинания, предполагающего конструктивный характер сознания и сконструированный — предметности.

Далее, хотелось бы поприветствовать ту реконструкцию и то критическое рассмотрение взглядов Фр. Brentano, которые были проведены Молчановым и изложены на страницах его монографии. Сделано это, безусловно, тонко и увлеченно: иногда даже при чтении соответствующих пассажей создается впечатление, что вот-вот раздастся лозунг «Назад к Brentano!». Однако этого так и не происходит; очевидно потому, что исследование Виктора Игоревича, как говорилось, остается все же в полном смысле слова феноменологическим, а стало быть, ведомым самим вещами, а не авторитетами. И в данном случае разбор взглядов Brentano подчинен тем проблемам, решение которых предлагаются в изложении уже собственных воззрений автора книги. Но тем не менее, даже сами по себе его выяснения отношений с инициативами Brentano являются в высшей степени актуальными — в том числе и для общего состояния и текущего понимания себя современной феноменологической, да и не только, философии. Brentano, безусловно, — мощнейшая фигура, к которой, к сожалению, нередко относятся чисто номинально — как предтече феноменологии в собственном смысле слова (впрочем, не только феноменологии). Поэтому, хотя имя Brentano, как кажется, сейчас постоянно на слуху, отношение к его наследию все еще недостаточно серьезно, а понимание актуальности этого наследия — недостаточно глубоко: его мысль рассматривается как некоторый затакт современной философии, что очень сужает представление о ее действительной значимости. Возможно, Brentano мог бы быть весьма влиятельной фигурой для современной, феноменологической мысли — в

том числе, даже в обход Гуссерля, признанного основателя феноменологии. По крайней мере, мы убеждены, что исследовательская работа В. И. Молчанова делает еще один — и значительный — шаг в направлении, если можно так выразиться, реабилитации фигуры Фр. Brentano для современной мысли. Говоря кстати, на наш взгляд, особо продуктивной могла бы быть актуализация критики Канта и послекантовского немецкого идеализма у Brentano в условиях современной конфигурации проблемного поля философии: в том числе и потому, что оба эти стороны и внесли наиболее существенный вклад в формирование этой конфигурации. Не будем забывать, что критика кантовской «производственной» модели познания — это одна из важных задач философского труда и у Молчанова. Поэтому можно сказать, что известный вклад в такую актуализацию сделан и в книге Виктора Игоревича, хотя эта тема и не является здесь центральной. Думается, что она могла бы быть развита из принципов феноменологии, предлагаемых автором монографии, в отдельных исследованиях — как самим Молчановым, так и его последователями. Из того же, что действительно представлено в книге «Феномен пространства и происхождение времени», обращает на себя внимание разбор учения Brentano о пространстве и сознании времени, которое, как нам показалось, оказало значительное влияние и на концепцию самого Виктора Игоревича. Молчанов через анализ различия прямого и косвенного модусов сознания у Brentano убедительно показывает, что время у австрийского философа берется не в ставшем уже привычным и, казалось бы, самоочевидным определении потока, но как *граница*. А граница — это, прежде всего, пространственное определение. «Brentano отрицает, что время нужно мыслить как нечто протяженное, его основное утверждение в этом контексте состоит в том, что мы воспринимаем время как границу», — говорится в «Феномене пространства» (Molchanov, 2015, 75).

Во-вторых, конечно же, следует указать на принципиальную важность предлагаемых Виктором Игоревичем методологических рефлексий; важность, которую они могут иметь не только для феноменологической философии, но и для других философских направлений. В первую очередь, речь здесь должна идти о заявляемом Молчановым *радикальном различии анализа и интерпретации* как возможных методов философского исследования. Согласно автору «Феномена пространства», вопрос о методологическом приоритете находится в прямой связи с вопросом о сущности и структуре человеческого опыта. А именно спросить следует так:

что собой представляет опыт, что заключается в его предельном основании — синтез, соединение, как полагала, начиная с Канта, та традиция, в русле которой, во многом, выросла и феноменологическая мысль, или все же анализ, различие. Сам Молчанов формулирует этот вопрос следующим образом: «Является ли человеческий опыт в основе своей интерпретацией “данного” или же опыт — это прежде всего анализ, серия различий, приостановка которых интерпретируется как данное, в частности — как предметное» (Molchanov, 2015, 39). Уже из приведенного пассажа видно, что, по мысли Виктора Игоревича, аналитическая работа в философии базируется на опыте различия, точнее различий, интерпретативная же — на синтезе, на отождествлении. Тезис Молчанова состоит в том, что *в порядке человеческого опыта более изначальными являются именно различия и различения, тогда как синтезы вторичны, производны от них, а потому любой синтез является всегда отождествлением уже различенного*. Различия при этом мыслятся как *всегда уже* различенные и различенные каждый раз различным образом. Поэтому-то «анализ различий возможен только с помощью других различий (различение и сопоставление различий)» (Molchanov, 2015, 40). В силу этого, в философии, поскольку сфера ее исследования, как считает автор монографии, задается именно опытом человека, методологическое преимущество должен иметь анализ, все прочие методологические приемы — только производны от него, соответственно, их применимость в философском исследовании зависит в первую очередь от адекватности проведенных первичных анализов. Говоря кстати, речь здесь может идти не только о методологической деривативности интерпретации, но также о производности от анализа таких методов, как дескрипция и объяснение, оправданность которых, как и достаточность интерпретации, зависит именно от правильности упреждающего их анализа исходных различений опыта. Любопытно в этом отношении, что Виктор Игоревич считает английскую школу философии с ее ориентацией на различие находящейся в методологически более выигрышном положении по сравнению с немецкой школой, ориентированной на синтез.

В данном случае стоит все же оставить связь анализа с дескрипцией и объяснением, тем более что более определенный характер самой этой связи в рецензируемой монографии, по сути, так и не выявляется, и перейти к проблеме связи анализа и интерпретации. На наш взгляд, Виктор Игоревич Молчанов, разрабатывая концепцию методологической первичности анализа

по отношению к интерпретации, совершает интеллектуально весьма значимый поступок — инициирует противостояние ставшей уже едва ли не философско-методологическим мейнстримом редукции метода философского исследования к интерпретации¹. Более определенно за этим противопоставлением у Виктора Игоревича скрывается различие между двумя типами опыта: (1) «опытом как “актом”, конституирующим содержание» (Molchanov, 2015, 41), и (2) «опытом как умением каким-либо образом обращаться с конституированным содержанием» (Molchanov, 2015, 41-42). Опыт в первом смысле является более изначальным, опытом в собственном смысле; опыт во втором смысле — деривативен, зависим от результатов первичного конституирования; как говорит сам автор книги, «...опыт в первом смысле — это опыт различений, опыт во втором смысле — это опыт обращения с различенным, с предметным» (Molchanov, 2015, 42). И дело в том, что на уровне опыта в первом смысле еще не формируется то поле, которое можно было бы описать как предметное и которое в принципе поддавалось бы синтезирующей интерпретации. В. И. Молчанов пишет: «Сознание или вот-бытие не есть некий текст, который уже написан или еще не дописан. Сознание как опыт различений и человеческое различающее бытие есть скорее написание текста и орудие письма, это конститутивные, а не конституируемые структуры, которые функционируют вне интерпретативного поля и делают возможной аналитику опыта любого типа, в том числе и аналитику мира, где анализ как раз соприкасается с интерпретацией» (Molchanov, 2015, 42). Такая первичность различений и имеющего с ними дела анализа была не понята и не оценена в своей полной значимости в феноменологии: «...анализ самих различий как базисных структур опыта в феноменологии предпринят не был» (Molchanov, 2015, 44). В итоге, благодаря Хайдеггеру, которого в этом отношении Молчанов подвергает принципиальной критике, в феноменологической философии происходит неоправданное сближение или даже отождествление феноменологического метода и ориентирующейся на интерпретацию герменевтики. Он пишет: «Сомнительной является попытка отождествить феноменологию и герменевтику, представив феноменологический метод как метод истолкования, интерпретации» (Molchanov, 2015, 47). Отвлекаясь от

¹ От себя заметим, что такая методологическая редукция может быть напрямую связана с получившей с определенного времени распространение редукцией предмета философского исследования к историографическому материалу, а философской мысли — к исследованию этого материала.

вопроса о том, насколько такая критика, действительно, оправдана, т.к. связь феноменологического метода и истолкования у Хайдеггера сама оставляет множество вопросов, выглядит весьма искусственной, оставаясь одной из насущных проблем не только хайдеггероведения, но и общепhilософской методологии, выскажем поддержку общей критике редукции феноменологии как метода к интерпретации, — критике, которая вполне может быть вычитана из многих пассажей Виктора Игоревича. В главном он прав: интерпретация, какой бы она эффективной ни казалась, может продвигаться только там, где предметное — в самом широком смысле — уже сформировано или, если угодно, отформатировано, но это не значит, что она способна достигнуть конституирующего истока этой предметности. Выражаясь словами Хайдеггера, интерпретация как метод хороша онтически, но беспомощна онтологически. За экстраполяцией метода интерпретации на все поле философской проблематики скрывается та метафизическая предпосылка, которая не может получить феноменологического удостоверения, что опыт мира сам уже задан инвариантными структурами мира, например, уже истолкованного как язык. Такой оборот от самих вещей оставляет только призраки, опосредованные средой языка и, стало быть, предстающие в своих изношенных исторических одеяниях.

Таким образом, мы видим, что Виктор Игоревич Молчанов предлагает свой оригинальный вариант феноменологического метода, который в рабочем порядке можно было бы назвать *аналитической феноменологией*, или феноменологией различий. На наш взгляд, особо продуктивным в контексте его методологических новаторств может быть понятие *равновесия*, которое вводится им как продолжение методологически традиционно значимых понятий интуиции и очевидности. Равновесие — это такое состояние, когда «каждое изменение положения тела, изменяя целое, имеет границу, за пределами которой спонтанное возвращение в исходное положение становится невозможным» (Molchanov, 2015, 209). Молчанов пишет: «В опыте телесности мы будем искать, собственно, не опыт синтеза, но устойчивый опыт различия, различия верных и неверных движений. Телесное чувство, которое каждый раз позволяет нам отличить истинное от ложного, чувство, которое не только в той или иной степени сопутствует телесным движениям, но и существует в самой их сердцевине — это чувство равновесия» (Molchanov, 2015, 208-209). *В-третьих*, нужно констатировать, что *центральной темой всего труда является феноменальная приоритетность пространства и проблема происхождения нашего*

представления о времени из феномена пространства — представления, которое, как полагает Молчанов, вытесняет пространство с его приоритетного места, становясь за счет этого само чем-то, что стихийным образом, который воспроизводится также и в философской рефлексии, является само собой понимаемым в своей онтологической изначальности и универсальности. Пожалуй, это и есть главный философский или, можно, пожалуй, даже так сказать, метафизический в широком смысле слова тезис Виктора Игоревича. То, что это именно так, подтверждает и само название рецензируемой книги.

Следует предупредительно принести извинения за менторский тон, но все же здесь, в рецензии, хотелось бы предостеречь читателя, особенно если он не знаком с данной книгой и другими соответствующими работами В. И. Молчанова, относительно того, что этот тезис может быть легко тривиализирован, если брать его вне того достаточно широкого — и историко-философски, и метафизически — контекста, в котором он был изначально сформулирован. А именно, не стоит понимать его как простую замену одного термина, уже получившего достаточно разработку в традиции философской мысли, на другой, возможно, продуманный еще не столь подробно. Но тезис Молчанова — это не такого рода замена или, если угодно, обращение, которые столь часто эксплуатируются философствующими писателями последних десятилетий, хотя формально он может выглядеть именно так. Полностью оценить его значение можно, только удерживая в уме то понятие пространства, которым оперирует Виктор Игоревич, его понятие человеческого опыта и структуры такового, предложенную им трактовку различия и пр. На наш взгляд одна из главных задач и одно из главных достоинств книги состоят как раз в том, что в ней достаточно образом эксплицированы те смысловые взаимосвязи, которые задают конкретное содержание тезиса Молчанова. Конечно же, едва ли здесь показаны или даже намечены все и абсолютно такие отсылки, но это и не было возможно сделать в рамках одной монографии; будем надеяться, что темы, оставшиеся незатронутыми в книге, но связанные с ее главным тезисом, составят дальнейшие перспективы исследований и отражающих их результаты новых публикаций автора.

То, что тезис Виктора Игоревича не является простым обращением формальных А и В, подтверждается тем, что пространство и время мыслятся им как сущностно различные феномены, обладающие различным онтологическим и феноменальным достоинством. Это в свою очередь предписывается еще более глубинным различием феноменов и того, что сам

Виктор Игоревич называет *квазифеноменами*. Поэтому правильнее было бы говорить не о различии феноменов пространства и времени, а о принципиальном различии феномена пространства от квазифеномена времени. По мысли Молчанова, «к первичным осуществленным в мире жизни феноменам относятся: пространство (пространственность), суждение и тело. Этим феноменам сопутствуют, как тень свету, соответствующие первичные квазифеномены: время, восприятие и объект. Пространственность, суждение и телесность *осуществляются* непосредственно; время, восприятие, объект *даны* опосредствованно» (Molchanov, 2015, 13). Интересно, что уже на уровне этого различия начинание Виктора Игоревича можно прочесть как разрыв с устоявшимся уже пониманием феноменологии как *феноменологии данного*, и переход к феноменально более изначальной *феноменологии осуществляющегося*. Последнее, исходя из вышесказанного, мыслится у него в качестве осуществляющегося в различении и как различение. Отсюда, на наш взгляд, и происходит ключевая максима аналитической феноменологии осуществляющегося, которая, безусловно, также связана с проведенными выше методологическими экспликациями: «В отношении “окружающего мира” следует применить такую же тактику: не искать феномены, доступные дескрипции “со стороны“, не искать первичные данности мира, но попытаться найти первичные способы реализации окружающего мира, первичные пространства различий и соответствий человека и мира “вокруг” него» (Molchanov, 2015, 13). Кстати говоря, в связи с этим автором книги дается и предварительное определение окружающего мира жизни: «Прежде всего окружающий мир жизни — это не предданный фон восприятий и действий и не система отсылок в системе действий, но сочетание реализуемых и реализованных феноменов» (Molchanov, 2015, 13).

Итак, ключевой тезис Молчанова состоит в том, *что пространство, будучи подлинным феноменом, в опыте первично по отношению ко времени, опыт же времени деривативен по отношению к опыту пространства, и в этом смысле время является квазифеноменом, только сопровождающим феномен пространства и узурпирующим, впрочем, с известной закономерностью, его приоритетность*. Если провести аналогию с кантовским трансцендентальным рассмотрением форм созерцания в трансцендентальной эстетике, то можно сказать, что пространство может быть помыслено без времени, но время не может быть помыслено без пространства. Средоточие аргументации этого тезиса заключается в том, что

время предполагает пространственные характеристики, более того, *такие характеристики являются базовыми пространственными различиями*, а стало быть, это еще раз подтверждает преимущество различий, условием которых выступает пространство, перед синтезами, осуществляющимися, как и показывает вся трансценденталистская традиция, во времени. Тем самым Молчанову, пусть и несколько формально, ибо содержание может быть получено только в конкретном феноменологическом анализе, удастся соединить предметную и методологическую сторону аналитической феноменологии: *различие, а стало быть, анализ приоритетны постольку, поскольку феноменально приоритетным является пространство, где и осуществляются первичные различия*. Так, например, уже различие внешнего и внутреннего опыта предполагает различие внешнего и внутреннего, а это пространственное различие (Molchanov, 2015, 68). Относительно же производности опыта времени от опыта времени от опыта пространства Виктор Игоревич пишет: «Скорее опыт времени — это вид пространственного опыта, и в своей претензии на самостоятельность (опять пространственная метафора!) — есть не что иное, как иллюзорный опыт, в котором полезную функцию принимают за реальность» (Molchanov, 2015, 69). Но, как показывает Молчанов, все базовые характеристики человеческого существования, в том числе и характеристики опыта времени, описываются пространственными выражениями: например, о прошлом говорится, что оно ушло, о будущем, что оно наступает, о делах, что они идут или обстоят и пр. У времени «...последовательность как данность опыта есть не что иное, как данность пространственного порядка движения» (Molchanov, 2015, 111). Философ особо подчеркивает, что «...у времени нет иного языка, чем движение и пространство» (Molchanov, 2015, 111).

Вопрос, который в значительной мере предопределяет ход исследования Виктора Игоревича, состоит, далее, в том, каков генезис времени и опыта времени как квазифеномена из «прафеномена» — а именно это излюбленное гетевское слово автор «Феномена пространства» подбирает для феноменально приоритетного феномена (Molchanov, 2015, 263) — пространства. Коротко ответ на этот вопрос можно было бы передать следующими словами из молчановской монографии: «Темпоральный опыт, или ощущение времени, возникает на основе опыта абстрактного, иллюзорного или воображаемого пространства» (Molchanov, 2015, 115). Время оказывается «функцией от пространства», которая носит по сути *фиктивный* характер, потому что оно описывает не действительное пространство, но мнимое, уже искаженное по

сравнению с аутентичным опытом пространства, в котором «некуда и незачем спешить» (Molchanov, 2015, 115). В этом смысле время — полезная фикция, играющая «посредническую и связующую» роль для пространства, которое уже искажено до мнимости, правда, мнимости, в которой человек вынужден ориентироваться. Если говорить более определенно, такая функция состоит в том, что «время — это лишь средство соотнесения и сопряжения пространств мира» (Molchanov, 2015, 130); при этом опыт пространств всегда остается первичным, но корреляция их различных опытов оказывается доступной только через фикцию времени. Еще конкретнее это выражается в том, что время по отношению к пространству с его изначальностью выступает как *синхронизатор*, приводящий уже присутствующие в опыте различия, которые первично имеют пространственный смысл, к соприсутствию (Molchanov, 2015, 145). В итоге, Виктор Игоревич подыскивает времени такие определения, как «тень пространства» (Molchanov, 2015, 115) или «эрзац пространства» (Molchanov, 2015, 116).

Показательно, что едва ли не первооткрывателя такой первичности пространственности в феноменологии и для феноменологии Молчанов видит в Хайдеггере, в онтологии которого «понимание пространства освободилось от вещественности, предметности, представимости и, главное, — от отнесенности к внешнему опыту» (Molchanov, 2015, 127). Данная оценка хайдеггеровских заслуг перед феноменологией пространства, безусловно, верна, хотя и здесь возникает сомнение, свободно ли хайдеггеровское понимание пространства, заданное контекстом его понимания значимости, от «внешнего опыта»: не в том смысле, что Хайдеггер не апеллирует к опыту внешнего, а в том, апеллирует ли он к опыту вообще, и достаточно надежно ли мы можем понять статус этого опыта. Значительно более серьезное затруднение, на наш взгляд, кроется в том, насколько хайдеггеровское понимание пространства вообще способно иметь самостоятельное значение, от которого можно было бы аргументировать, развивая в дальнейшем феноменологию пространства, а не должно всякий раз трактоваться из феноменологически эксплицируемой структуры темпоральности. Молчанов развивает остроумную критику приоритетности времени у Хайдеггера, справедливо показывая, что едва ли не все утверждения о темпоральном характере бытия и попытки экспликации его темпорального смысла не идут дальше деклараций, которые феноменологически (даже в хайдеггеровском понимании феноменологического метода) не могут быть удостоверены. Но дело тут, как

нам кажется, в том, а способно ли пространство, вернув себе свое первенство у времени, быть тем первым, из чего только и может быть разъяснен смысл бытия, поскольку только такое разъяснение у Хайдеггера, а отнюдь не анализ или дескрипция опыта, составляют «то, ради чего» феноменологической науки. Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что Виктор Игоревич и не намеревается перенести хайдеггеровскую доктрину пространства в свою аналитическую феноменологию пространственных различий, которая имеет совершенно иную цель, нежели фундаментальная онтология, он лишь указывает на историческое предшествование Хайдеггера в вопросе об эмансипации пространства; но все же, пожалуй, использование фундаментально-онтологических тропов в аналитической феноменологии может быть иметь только ограниченный характер, и должно заранее оговариваться в этих своих границах, так, чтобы путаница не возникала. Надо сказать, что в некотором отношении находки Мерло-Понти по части феноменологии пространства все же оказываются более близкими концепции Молчанова, чем экспликации Хайдеггера.

Далее, кроме обще-теоретических тезисов, из которых в настоящей рецензии были специально отмечены и обсуждены только некоторые, работа В.И. Молчанова содержит в себе также и интересное их развитие применительно ко вполне конкретным проблемам. К ним относятся и прямо-таки провокационная для традиционного философского трансцендентализма проблематика того, что Виктор Игоревич называет *чувствами разума*, и интересный вариант проблема *телесности*, отправной точкой для рассмотрения которой служит базовый тезис феноменального приоритета пространства. Однако здесь получится, пожалуй, отдельно рассмотреть только два из таких направлений развития мысли автора «Феномена пространства», являющихся, на наш взгляд, с одной стороны, самыми нетривиальными, а с другой, наиболее перспективными.

Итак, *в-четвертых*, на себя обращает внимание та феноменологическая концепция *суждения*, которую формулирует в своем тексте В. И. Молчанов. Не секрет, что проблематика суждения является одной из центральных для феноменологической философии, к сожалению, в последнее время нередко упускаемой из внимания современными ее представителями, предпочитающими ей проблематику интерсубъективности, вчувствования или восприятия и пр. Заслуга Молчанова во многом состоит в том, что он возвращает теме суждения ее исходную феноменологическую значимость. Но происходит это в можно

даже сказать революционном ключе: проблематика суждения вводится им, как бы неожиданно это не прозвучало, в контексте понятий *пространства* и *телесности*. Исходный методологический вопрос при этом звучит в книге следующим образом: «...как избежать интуитивизма вещи, не потеряв при этом ни тела, ни суждения» (Molchanov, 2015, 184). Отсюда видно, что *понятие суждения для аналитической феноменологии играет роль принципиальной альтернативы понятию восприятия как базового модуса данности вещи в традиционной феноменологии*. Приоритет суждения в концепции Виктора Игоревича напрямую связан с утверждаемым здесь приоритетом пространства, ибо «...пространство требует иного модуса, иного конститутивного коррелята, который не сводился бы ни к восприятию, ни к какому-либо эмоциональному состоянию» (Molchanov, 2015, 184). Отсюда Молчановым дается и предварительное определение суждения, согласно которому «...суждение есть не что иное, как искомый модус понимания и анализа пространства, искомый модус сопряженности человека и пространства» (Molchanov, 2015, 184). Очевидно, такая трактовка суждения не может не показаться, по меньшей мере, странной, т.к. традиционно таково понимается именно как некоторый деривативный — и, прежде всего, деривативный от восприятия — модус. Но такое представление укоренено в представлении о конститутивной для опыта субъективности сознания. Однако, по мысли автора монографии, пространство может быть дескрибировано без отсылки к конституирующей деятельности сознания: это показывают уже некоторые хайдеггеровские штудии пространственности. Напротив, восприятие, которое для традиционной феноменологии выступало базовым модусом данности, предоставляющим место для очевидности исполнения интенциональной жизни, трактуется в аналитической феноменологии как «вторичный продукт, [...] приостановка процесса телесных вопросов-решений-ответов, это выбор стационарной в отношении телесного опыта перспективы, даже если мы в движении воспринимаем движущееся» (Molchanov, 2015, 192).

Но, как нам кажется, предлагаемая Виктором Игоревичем концепция суждения достойна того, чтобы познакомиться с ней более детально, даже сопротивляясь тому впечатлению странности и непривычности, которое она может произвести при только предварительном с ней знакомстве. Дело в том, что то, что именуется Молчановым суждением, мыслится им не только из приоритета пространства, но и через первичную связь суждения и телесности. Во всяком случае он заявляет о том, что «...следует поставить

вопрос о связи суждения и телесности» (Molchanov, 2015, 190). А именно, кажущаяся непривычной укорененность суждения как первичного модуса в пространственности и телесности может быть объяснена тем, что оно, в полном соответствии с обще-методологическими утверждениями его феноменологии, мыслится как различие, а не как синтез (Molchanov, 2015, 190). Такую исходную форму суждения автор монографии именуется *телесными суждениями* или *протосуждениями*. Эти суждения являются «первичными телесными ориентациями», превращенными в «оценки в определенной системе значимости» (Molchanov, 2015, 196). Интересно, что такого рода суждения у Молчанова подразделяются на два типа суждений: (1) телесно-пространственные и (2) телесно-предметные. Показательно, что во втором случае суждение имеет сразу два субъекта, которые относятся к одному и тому же положению дел: вещь и тело (Molchanov, 2015, 193).

Так или иначе, именно протосуждение являются феноменально первичным видом суждения, который затем может быть вербализован или не вербализован в суждения традиционной апофансис. Однако надо иметь в виду, что то базовое свойство, которое издавна приписывалось именно апофантическому логосу, или, по крайней мере, его феноменальный источник, а именно способность быть истинным или ложным, Виктор Игоревич усматривает уже в протосуждениях. А именно в его трактовке это противоположность верных и ошибочных движений тела в пространстве. «Таким образом, противоположность верного и ошибочного принадлежит прежде всего телесному опыту, и в отношении телесно-пространственного опыта она связана с фундаментальным различием левого и правого, а также верха и низа» (Molchanov, 2015, 195).

Нет сомнения, что обозначенные тезисы могут составить основу серьезной и актуальной феноменологической теории суждения, которая продемонстрировала бы генезис апофантического логоса из первичных пространственных различий. Интересной была бы также возможная реакция профессиональных логиков, в сферу научных интересов которых входит проблема суждения и высказывания, особенно тех, для кого важна не только техническая, но и философская сторона логического знания, относительно предлагаемой Виктором Игоревичем трактовки сущности и происхождения суждения из первичного телесного опыта.

Наконец, *в-пятых*, безусловный интерес представляет собой попытка В. И. Молчанова *понять историю и историческое не из времени, как это до сих пор и делалось, а из пространства*. Он, например, считает, что «...любая

историческая реальность — любое событие, любой процесс, любая трансформация и т.д. — пространственна по своей сути. Любое историческое событие прямо или косвенно привязано к своему месту, определенной местности, ландшафту, к водным ресурсам, к недрам и полезным ископаемым и т.д.» (Molchanov, 2015, 248). С этим, конечно же, сложно не согласиться; хотя, с другой стороны, остается еще под вопросом, означает ли такая привязка исторических событий к пространствам равным образом и их независимость от временных определений. Думается, что для Молчанова, даже если эти определения и имеют место, то они деривативны по сравнению с их пространственными конститутивами и возникают только как эффект попыток синхронизации пространств, то есть исполнения прагматической функции временной фикции. Время производно от пространства, «...в опыте [...] Теперь имеет подчиненное положение по отношению к Здесь» (Molchanov, 2015, 247), поэтому и постижение исторического исходно укоренено именно в Здесь события, в пространственном как «субстанции опыта», а не его функции (то есть времени). Время в истории играет, скорее, роль только маркера, «это указание на выделенный пространственный опыт движения, например, солнца, воды, песка и т.д., с помощью которого можно соотнести различные движения; так время становится числом движения» (Molchanov, 2015, 251, прим). Но само движение — пространственно; время, в том числе и историческое, — это не что иное как упорядочивающая его функция.

Виктор Игоревич поэтому полагает, что история может быть сообразна только с объективным временем, основанном на движении небесных объектов, а стало быть, измеримым, и, в качестве такового лежащего в основе хронологии (т.н. *хронологическое время*). Но время в этом смысле и есть производная от первичного пространственного опыта, говоря точнее, от опыта движения в пространстве. Время же как тотальная временность, изначально «якобы пронизывающая человеческое бытие», является мифом, играющим на руку субъективизации опыта, а стало быть, господству агрессивного, находящегося в постоянной спешке сознания. «Истории принадлежит объективное время (основанное на движении Земли), которое выступает в качестве основы хронологии, и не существует никакого исторического времени, кроме хронологического», — пишет В. И. Молчанов (Molchanov, 2015, 252). В контексте такого тезиса весьма показательной является и та критика, которую этот философ проводит в отношении хайдеггеровской концепции временности и основывающейся в

ней историчности. С одной стороны, согласно Молчанову, Хайдеггер «превращает историчность в некоторую иррациональную силу», но с другой стороны, автор «Бытия и времени» просто некорректно опознал тот исходный опыт, который лежит в основе историчности бытия-в-мире как экстатическую временность, тогда как описываемый им опыт является как раз пространственным — а именно опытом трансценденции (пространственного по своей сути движения трансцендирования). В «Феномене пространства» говорится, что «экстатическая временность есть по существу иное название пространственного опыта трансценденции, опыта перехода из одного значимого или ценностного пространства в другое» (Molchanov, 2015, 256). Именно такая трактовка Хайдеггера, сопряженная со специфическим переосмыслением его понимания пространства из понятия значимости, позволяет создателю книги связать сферу исторического с более определенным пониманием пространства как сферы значимости. Для того, чтобы такая сфера могла бы стать сферой конституирования исторического у Молчанова по сравнению с хайдеггеровским толкованием пространства добавляется — в том числе — еще одно существенное измерение, а именно измерение *смысла*. Хайдеггер, конечно же, также говорит о смысле, но, да будет извинителен здесь такой каламбур, в несколько ином, чем у Молчанова, смысле. Виктор Игоревич определяет смысл следующим образом: «Смысл [...] — это не идеальный предмет или ментальный атом, но серия или ряд различий» (Molchanov, 2015, 261). В итоге феномен пространства в своем полном виде раскрывает себя на трех уровнях: (1) уровне связанных с непосредственными заботами значимостей; (2) уровне объективности вещей; (3) уровне смыслового измерения иерархии значений. Таким образом, смыслы представляют собой иерархически упорядоченное отношение значений. Они-то и задают специфическую пространственность исторического как такового. Молчанов пишет: «Пространство смысла — это пространство феноменов; пространство значимости — это пространство функциональных отсылок [...]. Пространство смысла — это пространство различностей и различий, пространство значимости — пространство идентификаций и идентифицированных предметов» (Molchanov, 2015, 259). Причем первое из этих пространств всегда не замкнуто на самом себе, открыто; второе же, напротив, закрыто, замкнуто.

Таким образом, исходя из смыслового пространства, у этого мыслителя понимаются и историческая наука, и историческая

действительность: «История как описание, как наука имеет дело с многообразием значимых и смысловых пространств и миров, образующих пространство жизненного мира. История как деятельность — это постоянное формирование и преобразование, распределение и перераспределение пространств, значимых для различных сообществ и индивидов» (Molchanov, 2015, 261). Отсюда Молчановым дается и его определение исторического прогресса, представляющее значительный интерес и требующее, на наш взгляд, дальнейшего обсуждения: для него прогресс в истории — это прогресс в созидании «неагрессивных пространств». Виктор Игоревич пишет: «Прогресс в созидании и увеличении числа неагрессивных пространств, не подавляющих волю и не умаляющих достоинство человека, можно было бы считать критерием прогресса в истории» (Molchanov, 2015, 262).

Подводя итоги обзора книги Виктора Игоревича Молчанова «Феномен пространства и происхождение времени», следует сказать, что в ней, вне всякого сомнения, излагается самобытная и вместе с тем именно феноменологическая концепция. Возможно, сказанное здесь покажется ценителям и знатокам уже сформировавшихся и устоявшихся версий феноменологии в чем-то отступничеством от подлинно феноменологических воззрений. Чего стоит не только попытка лишить время значения универсального синтеза, но и стремление автора книги ограничить значимость универсальной формы синтеза вообще в пользу бесконечного многообразия различающих себя различий! Однако это не так. Не так, потому что мыслить себе некоторую феноменологическую догму, по отношению к которой то или иное выступление могло бы оказаться ересью, невозможно: феноменологическая работа остается верной себе самой до той поры, пока она следует самим вещам, как бы именно эти вещи ни понимались. И Виктор Игоревич в своей книге предлагает еще один способ видения именно самих вещей, а не доктрин. Конечно, некоторые направления его мысли разработаны более детально, другие еще ждут своей разработки и, насколько это вообще допускают результаты феноменологической работы, систематизации. Хочется надеяться, что это и может составить перспективу дальнейшей работы как самого В. И. Молчанова, так и его последователей, которые начали бы все больше применять принципы аналитической феноменологии к различным тематическим областям, достойным феноменологического анализа и дескрипции. На наш взгляд, общим фоном таких исследований,

способствующим их проведению и достижению их возможного «систематического» единства, может и должна стать подробная экспозиция понятия человеческого (но при этом несубъективного, несубъективированного) опыта как исходного поля, в котором и по отношению к которому осуществляется феноменологическая работа такого рода. Ибо именно такой опыт, как нам показалось, и является для автора «Феномена пространства» конечным гарантом того, что феноменологическое исследование обращено к самим вещам, а не к конструкциям. В книге постоянно дается референция к этому понятию, которое кажется само собой разумеющимся для автора ее, а потому здесь его содержание так и не эксплицируется достаточным образом. Тем не менее, ни то, что такое подобного рода опыт, ни то, что он составляет собственное поле данных феноменов не может являться бесспорным для непредвзятого читателя; так, есть условия, при которых и данный опыт может быть помыслен в качестве результата скрытых в пределах самого этого опыта конструктивных процессов. То есть он сам может оказаться эффектом агрессивного сознания. Если удастся показать, что это не так, то тогда, действительно, будет найдено достаточное основание для связывания различных направлений исследований в рамках аналитической феноменологии. Хотя, скорее всего, нахождение этого единства вовсе и не входило в цели инициатора создания такого типа феноменологии. В любом случае, кроме уже предложенных путей реализации заявленной в «Феномене пространства» модификации феноменологической методологии, эта модификация может найти свое место — и с не меньшим влиянием и значительностью — не только в конкретных феноменологических анализах, вне зависимости от того, будет ли им предано систематическое единство или нет, но и в создании особых художественных практик, артикулирующих различия, практик, которые могли бы, при всей их разнородности, получить общее наименование «В поиске утраченных пространств».

REFERENCES

- Molchanov V. (2015). *Fenomen prostranstva i proishozhdenie vremeni* [The Phenomenon of Space and the Genesis of Time]. Moscow: Akademicheskij Proekt. (in Russian).